

**ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES**

УДК 091.18

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-1

Колесников С. А.

**Литература и пустота: стратегии деструктивности
в русской литературе Серебряного века**

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького,
д. 56 а, Белгород, 308024, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные варианты деструктивных стратегий, реализованных русской литературой рубежа XIX-XX веков в отношении читательского сознания в частности и национальной культуры в целом. Методологически статья выполнена на основе междисциплинарных связей между философией, культурологией и литературоведением, с использованием теорий воспринимающего сознания и воздействия на него внешних, в данном случае литературно-художественных, факторов, ментальной презентации внутренней сферы человеческого сознания, а также с применением основных понятий онтологии деструктивности. Результатом исследовательской работы является выявление основных механизмов деструктивности, проявляющихся при воздействии на читательское сознание в процессе восприятия художественной литературы, хронологически ограниченной рамками Серебряного века. Применение результатов исследования возможно при построении теоретико-методологических моделей читательского сознания, а также для создания эффективных механизмов противодействия деструктивным тенденциям в области словесно-художественной культуры. В качестве выводов можно определить демаскировку ведущих стратегий, направленных на разрушение сложившейся к данному периоду системы ценностей. К числу таких стратегий можно отнести стратегию опустошения читательского сознания информацией, разрушение читательского «я», сбивание адекватных «настроек» словесно-художественного сознания, культивацию мировоззренческого взрыва, стратегии ступора шокированного мировосприятия и другие. Именно реализация этих деструктивных стратегий может рассматриваться как одна из причин культурной катастрофы, произошедшей в России в начале XX века.

Ключевые слова: Серебряный век; русская литература рубежа XIX-XX веков; деструктивность; стратегии русской литературы; читательское сознание; опасность литературы

Для цитирования: Колесников С. А. Литература и пустота: стратегии деструктивности в русской литературе Серебряного века // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 1. С. 4-15. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-1

S. A. Kolesnikov

**Literature and emptiness: the strategies of destructiveness
in Russian literature of the Silver Age**

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin,
56a Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract. The article deals with the main variants of destructive strategies implemented by the Russian literature of the 19-20th centuries in relation to the reader's consciousness in particular and national culture in general. Methodologically, the article is based on interdisciplinary connections between philosophy, cultural studies and literary studies, using the theories of perceiving consciousness and the impact on it of external, in this case literary and artistic, factors, mental presentation of the inner sphere of human consciousness, as well as using the basic concepts of ontology of destructiveness. The result of the research work is the identification of the main mechanisms of destructiveness, manifested when exposed to the reader's consciousness in the process of perception of fiction, chronologically due to the framework of the Silver Age. Application of the research results is possible in the construction of theoretical and methodological models of reader's consciousness, as well as to create effective mechanisms to counter destructive trends in the field of verbal and artistic culture. As conclusions it is possible to define a disguise of the leading strategies directed on destruction of the system of values developed by this period. These strategies include the strategy for the devastation of the reader's consciousness of information, the destruction of the reader's self, knocking down the appropriate "setting" of the verbal-artistic consciousness, cultivation of ideological explosion, the strategy of stupor, shocked the world and others. It is the implementation of these destructive strategies that can be considered as one of the causes of the cultural catastrophe that occurred in Russia at the beginning of the 20th century.

Keywords: Silver Age; Russian literature at the turn of 19-20th centuries; destructiveness; strategies of Russian literature; reader's consciousness; danger of literature

For citation: Kolesnikov S. A. (2020), "Literature and emptiness: the strategies of destructiveness in Russian literature of the Silver Age", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (1), 4-15, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-1

Рассмотрение механизмов разрушения стабильно-традиционных алгоритмов восприятия реальности сознанием читателя под воздействием деструктивных стратегий вербально-художественной культуры Серебряного века для современной культурной ситуации является актуальным, поскольку позволяет увидеть внутренние механизмы разрушения культуры посредством самой культуры, причем культуры самого высокого «качества».

Сама форма подачи литературного материала этой эпохи могла деструктивно воздействовать на глубинные уровни ре-

ципиентного сознания, стратегия «перегрузки» сознания осуществлялась с помощью амбивалентности жанровой системы. Смещение жанров, создание «мозаично-фрагментарных текстов» (Кондаков, 2008: 37), «скрещение» литературы с журналистикой, историей, политологией – даже с математикой (!) (к примеру, отдельные произведения А. Белого) – вели к расшатыванию читательского сознания. Если во времена Я.А. Коменского сознание могло противостоять «лабиринтам миров», то теперь оно было шокировано разнообразием форм, в том числе и жанрово-

коммуникативных. Реальным примером воплощения стратегии тотального смешения жанров могут служить предреволюционные салоны, например, «Медный всадник», «куда входили литераторы, актеры, композиторы, живописцы...» (Крейд, 2007: 234). Возникли новые жанры, в частности, «Опавшие листья» Розанова, разрушающие традиционное представление о «классической» жанровой закреплённости. У В. Брюсова в 1909 г. вышел сборник стихотворений «Все напевы», где представлены практически все известные и даже новые жанры: октавы, рондо, сонеты, триолетто, газэлы... Похожая жанровая смешанность уже обнаруживалась в истории отечественной художественной культуры во времена Киевской Руси¹, однако если в XI-XII вв. жанровая «свобода» являлась признаком роста литературы, то в Серебряном веке жанровый хаос лишь подстегивал развитие деструктивности.

Личностно ориентированные стратегии вербально-художественной культуры деструктивно воздействовали и на рефлексию индивидуального реципиентного сознания. Сам генезис понятия «Я», история персональности имели в отечественной культуре весьма своеобразные традиции (см.: Плотников, 2008). Серебряный век стремился заполнить «лакуну» в формировании понятия личности, но делал это преимущественно «апофатически», определяя «Я» негативно, делая доминантной семантику «пустотной» рефлексии, рефлексии над пустотой. Модели «автономной личности» Канта, «идентичной личности» Локка, «монадологической личности» Лейбница и другие концепции Нового времени не вписывались в деструктивный контекст персонологии Серебряного века². Для этого периода характерны скорее не положительные, а отрицательные дефиниции «Я», негати-

вация личностной идентичности. Культура рубежа XIX-XX вв. продуцирует глобальные, художественно оформленные, проекты-методики по уничтожению «Я», причем спектр этих методик «анти-самопознания» достаточно широк. Утверждается и внушается воспринимающему сознанию принципиальная возможность уничтожения «Я», постулируется принципиальная возможность аннигиляции «продуктивной способности рефлексии» (Э. Гуссерль), для подтверждения чего создается значительное число героев, т. е. нормативных образцов воспринимающего сознания, доказывающих то, что объект рефлексии, «Я», можно уничтожить.

Герой рассказа Л. Андреева «Нет прощения» утрачивает свое «Я», притворившись шпионом, а в «Рассказе о семи повешенных» приговоренный к смерти забывает о себе, о своем «Я». Здесь мы встречаем мощнейшее по своей эмоциональности описание уничтожения самосознания: «...человеческий мозг, поставленный на чудовищно острую грань между жизнью и смертью, распался, как комок сухой и выветрившейся глины» (Л. Андреев). Наглядность, визуальное-вербальное иллюстрирование процесса уничтожения «Я» подталкивали, по замыслу деструктивности, читательское сознание принять саму возможность этого уничтожения, принять в качестве мировоззренческого алгоритма постулат об имплицитной пустотности «я».

А. Грин в «Рассказе Бирка» (1910) детально и наглядно описывал «состояние трупа», психологического омертвения, когда остается «не сама жизнь, а только одна форма жизни», настаивает на возможности физического существования с отсутствующим «Я». По сути, Грин применял к читателю прием, который позднее Р. Лэнг определил как «разрушительный психопатологический механизм, перед лицом которого личность – относительно беспомощная жертва» (Лэнг, 1995: 127). Если Грин дает описание одномоментного разрушения сознания, то А. Чехов

¹ Подробнее см. (Лихачев, 1986: 79-95).

² Например, см. полемику в «Вехах» по вопросу самосознания, в частности, статью М. Гершензона «Творческое самосознание», работу Н. Бердяева «Самосознание» и др.

в «Ионыче» показывает возможность разрушения сознания в хронологической протяженности. Саморазрушивший себя Старцев трансформировался в пустоту Ионыча: Ионыч с его социальной стабильностью может восприниматься как соблазн деструктивности и, одновременно, как закономерный результат, как практическое подтверждение потенциальной возможности уничтожения собственного «Я». Причем пустота – удел не только провинциальных врачей. Только один пример, переводящий, казалось бы, сугубо теоретические рассуждения о «пустотности» «я» в практическую плоскость: В. Вересаев в «Живой жизни», обращаясь к биографии Достоевского, акцентирует наличие «пустоты» в его реальной жизни, «как будто гигантский молот непрерывно бьет перед нами по жизни Достоевского» (Вересаев, 1991: 278), доказывая, тем самым, практическую возможность воплощения ситуации опустошенного сознания в реальной жизни. Тем самым, сама возможность уничтожения «Я», а следовательно, утверждение прайминг-эффекта опустошенной рефлексии для воспринимающего сознания постулируется вербально-художественной культурой Серебряного века. Самой яркой иллюстрацией к этому тезису является развернутая тема «взрыва», проходящая через многие произведения этой эпохи.

Взрыв как рефлексивно-культурологическое мировосприятие³ культивируется в «Петербурге» А. Белого, где герои будут «носить в себе бомбу», в «Красном смехе» Л. Андреева, где взрыв будет выжигать личное «Я», у Б. Савинкова в «Коне бледном», где тер-

акт бомбиста будет направлен против собственной личности и т. д.⁴

Кроме того, эффективности стратегии опустошения, взрыва собственного «я» и, как следствие, ступору воспринимающего сознания способствовала кампания разрушения позитивных характеристик, неонигилизм, предлагающий аргументы в пользу тотального разрушения. «Когда ты увидишь, что все сии устои и быки, на которых строится жизнь теплая, жизнь сытая... – писал М. Горький Л. Андрееву 28 мая 1902 г. – зашатаются, как зубы в челюсти старика – благо ти будеши, долголетен будеши на земли». Сам М. Горький последовательно проводит идею «прекрасного разрушения», достаточно процитировать одну лишь фразу из его рассказа «Пожар»: «Пожар – это замечательно».

Неизбежность разрушения, в том числе и глубинных основ сознания, усиливается эпигонским нищезанятием, и здесь уместно вспомнить М. Арцыбашева, молодых футуристов, Б. Савинкова, пролетарских поэтов и прочих ниспровергателей существующего, ратующих за «прыжок через человека», представляемый как прыжок через пустоту.

Праймингу опустошенности сознания содействовало значительное количество видовых экспликаций таких сознаний. Логика реализации данной деструктивной стратегии утверждала: если есть множественные талантливые описания «пустых» сознаний, значит, такие сознания должны реально существовать. Апробировать погружение в пустоту и предлагалось читателю. Спектр вариаций опустошенных сознаний велик – от натуралистических до фантазмагорических. Так, А. Чехов рисовал целый ряд опустошенных сознаний:

³ Представляется, что из двух метафор Ю. Лотмана о процессах развития культуры – «заминированное поле с непредсказуемыми местами взрыва» и «весенняя река, несущая свой мощный, но направленный поток» (Лотман, 1992, 18) – Серебряному веку ближе именно «взрывообразная» экспликация, и ведущую роль во взрывном движении культуры «рубежа веков» играла именно вербально-художественная культура.

⁴ Показательна результативность, та реальная сила воздействия, казалось бы, исключительно литературно маркированной темы «внутреннего взрыва» на реальное сознание Серебряного века. Ведь даже такой представитель политической элиты того времени, как Плеве в 1903 г. признавался французскому послу Бомпару: «Я сижу на пороховой бочке и взорвусь вместе с ней».

в «Моей жизни» ощущения опустошенности героев преобладают даже над чувством самосохранения, в «Душеньке» чужие мировоззрения полностью уничтожают «свое»... В. Вересаев в хронике «На японской войне» преподнес читателю «реалистические» зарисовки «выжженных» войной сознаний, идейной пустоты, «нет идеи!», – тезис, который стал девизом данного произведения; Л. Толстой в романе «Воскресенье» дал уникальный по своей глубине и деструктивному воздействию эпизод опустошенности сознания Катюши Масловой, стоящей у освещенного огнями поезда; М. Арцыбашев описал состояние «выжженной пустыни души» героини романа «Санин» Лиды после предательства ее любовника...

И не только представители «натуральной школы» вносили свой вклад в расширение пространства деструктивно ориентированной вербально-художественной культуры, вненатуралистские описания предлагают еще более экстравагантные, а потому впечатляющие «типы» опустошенных сознаний. Л. Андреев в «Красном смехе» создает образ: безногий офицер пытается на бумаге передать свое внутреннее состояние, но пишет «цветы и песни» сухими чернилами по чистому листу, пишет никому невидимые строки, идущие из пустоты разрушенного сознания. Именно так, настаивает автор, должен выглядеть человек, вернувшийся с войны, а всё, что не похоже на нарисованную картину, позиционируется как неистинность. Опустошенные войной, «порыжелые от крови», поля становятся внешними иллюстрациями внутренней личностной пустоты. В «Рассказе о семи повешенных» пустота сознания, ступор личности становится предметом пристального описания, читательское сознание завораживается высокоталантливым изображением того, как крестьянин Янсон забывает самого себя, свое преступление, свое я... У А. Грина в «Наследстве Пик-Мика» встречается парадоксально-образное описание личностной пустоты:

результатом сорокалетней жизни становится число 365, умноженное на 40, равное «ничему»; для героя «Возращенного ада» становится возможным обращение в пустоту своего прошлого мировосприятия. А. Белый в «Петербурге» дает развернутые ряды героев, носящих пустоту вместо «Я»: у террориста Дудкина сознание стремительно разлетается вовне, у его врага, Липпанченко, напротив, сознание раздавливается «толстой черепной коробкой носорога», поручик Лихутин утрачивает сознание в безумии, – и всё это методики уничтожения самосознания, генеральные пути, на реальности и действенности которых настаивает автор, тем самым провоцируя читательское сознание на прохождение подобных путей. При этом выявляется еще одна деструктивная грань стратегии опустошения: соблазн безответственностью. Создание ситуации «анонимного бытия» (Р. Ленг), погружение в нее читательского сознания ведет к снятию персональной ответственности, а значит, к возможности «благородной» капитуляции, оправданного эскапизма.

Открытие имплицитной опустошенности сознания содействовало шокированию, лишало сознание возможности адекватно воспринимать реальность. Средства, с помощью которых сознание читателя шокируется, в вербально-художественной культуре Серебряного века весьма разнообразны. Шок как средство блокирования защитно-воспринимающих механизмов сознания, как «уничтожение лабильности личности» (Смулевич А.Б., Воробьев В.Ю., 1973) использовался для более успешного «заражения» вирусами деструктивности читательского менталитета. Шокированное сознание, «бомбардированное сознание»⁵ легче поддается влия-

⁵ Представляется вполне оправданным употребление именно этого термина из области нейропрограммирования: можно отметить практически прямые параллели с технологиями влиянием на аутоуровень сознания вербально-художественной культуры Серебряного века и «деструктивных психотехник» современности (подробнее см., напр., Деструктивные психотехники, 2002).

нию, легче разрушается. В психиатрии существует термин «патологическое оцепенение» (И. Берце), результатом которого становится «отсутствие внутреннего душевного движения» (Деструктивные психотехники, 2002: 50). Остановившееся сознание становится легкой мишенью для деструктивности, и поэтому шок становится одной из ведущих разрушительных стратегий, причем стратегией разнообразной и многоликой. Данная стратегия настаивает на возможности появления понастоящему «пустой пустоты», и это не до-логосная «безвидность» в духовно-вербальной мировой традиции, а пост-литературная, пост-фикционная опустошенность. Если Сартр определял небытие как «нерасчлененность бытия, подвергнутая отрицанию» (Сартр, 2000: 70), то еще ранее художественная культура Серебряного века продемонстрировала описание «абсолютного ничто», безрезультатного и беспродуктивного, абсолютной пустыни, ситуации логосного анти-творения, возникшей уже после десакрального опустошающего «слова» в сознании читателя.

У большинства писателей Серебряного века имелись свои развернутые методики шокирования читательского сознания, причем эти приемы могли осуществляться как на алло-психическом уровне, т. е. в форме внешних шокирующих впечатлений, так и на ауто-психических, парализующих сознание внутренними переживаниями. Л. Андреев шокировал читательское сознание страхом смерти («Елизар»), звериностью отношений между людьми (см. рассказ «В тумане», где, казалось бы, традиционные образы юности и женственности шокируют своей бесчеловечностью, кровавой драмой), или, как в «Красном смехе», изображением изуродованного, искалеченного мира. А. Куприн в «Поединке» вводил в ступор реципиента, сопоставляя несопоставимые, казалось бы, образы: хрупкую образованную женщину и ее откровенное предательство. В. Вересаев шокировал статистикой, при-

водя факты жестокости врачей (искусственное, ради исследований, заражение болезнями и пр.), Б. Савинков – внечеловечностью террора, А. Белый и А. Ремизов – изощренным, письменно зафиксированным, безумием. Натуралистические откровенные описания как средства для ступора сознания использовали М. Горький и Скиталец, «животностью» поражали Л. Зиновьева-Аннибал и М. Арцыбашев, Ф. Сологуб – грязью межчеловеческих отношений, А. Толстой – откровенным порнографизмом, М. Кузмин – нетрадиционной ориентацией. Экстравагантность также входит в список шокирующих средств: В. Хлебников ударяет по сознанию читателя языковой безязыковостью («Бобэоби...»), братья Бурлюки – внешней эпатажностью, З. Гиппиус – невероятной экзотичностью...

В данном аспекте обнаруживается ситуация полимотивированности шока, «кризиса гипер-выбора» (Э. Тоффлер) шокирующих методик, ведущих к вакууму сознания. Последствия четко определены Р. Ленгом: «Индивидуум ощущает, что, как и вакуум, он совершенно пуст. Но такая пустота есть именно он. Хотя в других случаях он стремится к тому, чтобы эта пустота заполнилась, он боится, что это, возможно, произойдет, поскольку он стал чувствовать, что всё, чем он может быть, это жуткое ничто этого самого вакуума» (Ленг, 1995: 20). Результатом становится нарастание страха – одна из главных целей деструктивных стратегий художественной культуры Серебряного века. Актуальность этой стратегии подчеркнута постмодернизмом и выражена в соединении страха и удовольствия. Р. Барт в тексте с показательным названием «Удовольствие от теста» писал: «Вот эти-то причины и сблизжают страх с наслаждением: он таится в абсолютном мраке подполья, но не потому, что он “постыден” (хотя, по правде сказать, ныне никто не хочет сознаваться в своих страхах), а потому, что, раскалывая субъекта надвое и в то же время не затрагивая его целостности, страх имеет

в своем распоряжении только общепринятые означающие: человеку, чувствуящему, как в нем поднимается волна страха, заказан язык безумия» (Барт, 1994: 478). Можно утверждать, что Серебряный век являет первую попытку реализации проекта «удовольствия от страха» на масштабном культурном материале. Культивация «невротического страха» (см. у З. Фрейда: «Такой страх я назову реальным в противоположность невротическому. Реальный страх является для нас чем-то вполне рациональным и понятным. О нем мы скажем, что он представляет собой реакцию на восприятие внешней опасности, т. е. ожидаемого, предполагаемого повреждения, связан с рефлексом бегства, и его можно рассматривать как выражение инстинкта самосохранения... Теряем из виду связь между страхом и угрожающей опасностью») (Фрейд, 1999: 72) – одна из ведущих стратегий вербально-художественной культуры Серебряного века.

История взаимоотношений методик культивации страха как глубинного мировосприятия сознания и его вербально-художественных экспликаций в отечественной культуре имеет глубокие традиции. В Новое время мы встречаем свою методику «анти-страха» еще у Николая Сорского, определяющего страх, в соответствии со святоотеческой традицией, не уничтожающим, а преобразующим личность (см. Библиотека литературы Древней Руси, 1997: 167). «Страх Божий», благоговейный страх стал антидотом от страха безблагодатного, разлагающего. Сакрализованный страх в петровское время будет заменяться, с разным успехом, на рационализированный страх. Антифобийные методики Петра I будут основаны на «постоянстве, регулярности, обязательности и публичности» (Из истории русской культуры XVII в., т. 3: 551). Стремление Петра, в том числе и через литературу, придать мистическому страху более рационалистические очертания, приводил к новым формам антифобийных методик. Литература,

как и уроды Кунсткамеры, как и «шутейные соборы», как шокирующие приказания придворным «рвать зубами мускулы трупов в анатомическом театре» (см. Соловьев, 1993: 554), должна была способствовать трансполяции страха в рациональную сферу. Литература XVIII в. принимала живейшее участие в «инициации» Империи, в формировании ситуации «пролития крови» (В.М. Живов), в отказе от прежнего, допетровского страха и в создании страха государственного. Позднее, в эпоху Екатерины II литература выводила общество из зоны тотально рационализованного страха, культивировала пафос нарочитого бесстрашия, нового героизма, рождающегося не из страха перед государством, а из чувства долга...

Серебряный век создал новый формат взаимоотношений литературы и читательского сознания. Теперь методики испуга читателя совершенствуются, причем разрушительный вектор страха мог быть направлен не только в сторону читателя, но и в направлении автора. Знаковым является замечание Д. Мережковского в адрес «специалиста по испугу» Л. Андреева: «Я не боюсь того, чем Андреев меня пугает, но боюсь, чтоб он сам не испугался, как дети, которым во время игры в черта явился черт!» (Мережковский, 1914: 14). Стремление вовлечь в атмосферу страха всё, что доступно, создать брутально-фобийную онтологию, претендующую на мега-дискурсивность – одна из широко представленных форм деструктивных интенций вербально-художественной культуры начала XX в.

Страх должно излучать всё – даже позитивные стороны жизни. О распространности фобийного мироощущения в России начала XX в. может свидетельствовать, например, широкий успех, в том числе и финансовый, лекций М. Волошина на тему «Жестокость в жизни и ужасы в литературе» (1913) – страна желала быть испуганной. В XX веке Ж. Батай назовет такое направление в литературе «ужасом быть удовлетворенным» (Батай, 1994: 42),

но Серебряный век гораздо ранее реализовал эту методику. В «позитивном» страхе слились две деструктивные стратегии: крайняя идеализация реальности и радикальное культивирование страха.

Положительный объект желаний тесно связывается со страхом его потерять, будь то материальное благополучие и связанный с ним страх нищеты (В. Вересаев «Встреча»), страх перед потенциально возможным семейным неблагополучием, утратой любви (А. Чехов «Страх»), страх потерять обретенную «новую жизнь» (Л. Андреев «В подвале»)… У М. Горького гипер-оптимистичные «Итальянские сказки» прямо провоцируют читательские фобии перед неизбежной потерей «позитива» в отечественной действительности. Даже отсутствие страха может использоваться для испуга читателя, как, например, в романе Б. Савинкова «Конь бледный», где главный герой постулирует свою методику анти-страха: «умереть и убить», причем именно в такой последовательности (как вариант деструктивного «без-страшия» см. у Ф. Сологуба в рассказе «Земле земное»: «Всё – одинаково нестрашно»: у Л. Андреева в «Семи повешенных»: герой, не знающий страха, пугает своим безумием). Реакция реципиентного сознания программировалась вербально-художественной культурой: отсутствие страха в воспринимаемой реальности должно было пугать и шокировать сознание сильнее самого страха.

Понятно, что если позитивный дискурс реальности мог вызывать испуг, то, тем более, негативно артикулированные смыслы становились мощным источником возвращения фобий в читательском сознании. Количество пугающего зла переполняет страницы литературных произведений, практически невозможно классифицировать все объекты, используемые в качестве литературно оформленных «пугал». Свой значительный вклад в глобальную фобизацию читательского сознания вносила и литература высокохудожественная. Так, Д. Мережковский мо-

жет пугать читателя разбушевавшейся стихией, уничтожающей город (роман «Александр I»); Л. Андреев (рассказ «Город») и М. Горький («Букоёмов») пугают самым городом и населяющими его людьми; В. Вересаев в «Без дороги» описывает страх перед народной массой, а А. Куприн – страх перед колдовством отдельного человека («Олеся»); Л. Зиновьева-Аннибал рассказывает жуткую историю о реальном беспощадном насекомом («Чудовище»), а Ф. Сологуб – о выдуманном червяке, заползающем в мозг девочки («Червяк»); Скиталец устрасал натуралистическими описаниями, А. Белый в «Петербурге» – потусторонним ужасом. Страшно прошлое в «Смерти богов» Мережковского, пугающе настоящее – в «Детстве Темы» Н. Гарина-Михайловского, ужасающе будущее – в надвигающейся старости (В. Вересаев «Об одном доме»). Своеобразно стратегия культивирования ужаса в реципиентном сознании представлена прозаической и поэтической апокалиптикой К. Бальмонта, А. Блока, М. Волошина, Д. Мережковского («Грядущий хам»), М. Арцыбашева («У последней черты»), А. Крученых («Апокалипсис в русской литературе»), В. Розанова («Апокалипсис нашего времени»), Ф. Сологуба, Л. Андреева, старших и младших символистов А. Белого («Христос воскрес»), В. Брюсова («Конь блед»); сюда же можно отнести философские интерпретации апокалиптических мотивов у В. Соловьева («Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» с приложением краткой «Повести об антихристе»), М. Барсова («Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Апокалипсиса») (1902 г.) и других, – всё это определяло тотальный масштаб воздействия фобийных методик на глубинные основания воспринимающего сознания.

Страх должен стать неотъемлемой характеристикой внутреннего мировосприятия, «обязательной» (Г. Олпорт, 2002: 170), аподиктической реакцией реципиента

на художественное произведение, – в этом суть деструктивной стратегии. Ее оттенки отмечены Р. Ленгом как разные смыслы «окаменения от страха»: «...форма ужаса, при которой человек камнеет... боязнь возможности превратиться в камень... магический акт, посредством которого можно попытаться превратить другого в камень» (Ленг, 1995: 21). По всем этим трем направлениям – а) шок или ступор сознания, б) внутренний страх пугающего воспринимаемого мира и в) деструктивное воздействие на внутренний мир личности – и реализуется стратегия культивации страха литературой.

При этом у художественной литературы есть еще один «стимулятор» – олицетворение страха, превращение страха в некую личность⁶. С помощью ярких талантливых образов создается «страх-в-себе», одновременно и метафизический, и личностный страх, семантически не закрепленный за конкретным референтом и одновременно пронизывающе-формирующий все личностно значимые смыслы. Значительно ранее, чем, например, Ж. Лефевр (подробнее см.: Лефевр, 1991, 1996), Серебряный век открыл возможность деструктивного искажения менталитета своей эпохи, используя метаолицетворение страха. Л. Андреев выдает уникальный по силе эмоционального воздействия образ «Красного смеха», вневещного, иррационального – и вместе с тем глубоко личностного. А. Куприн персонифицирует страх в образе фабрики-молоха в одноименной повести, А. Ремизов придавал своему страху призрачные, но удивительно узнаваемые черты, генетически восходящие к фольклорно-архетипическим образам, М. Горький создал параноидальный концепт «желтого дьявола»,

⁶ Научно-психологическое описание процесса персонификации страха у А.А. Меграняна: «У больного временами состояние безотчетного, непреодолимого страха и напряженной предуготованной тревожности настолько заострялось, что ему казалось, будто страх есть какое-то существо...» (Меграняна, 1962: 10).

Ф. Сологуб – «недотыкомку» как олицетворение хтонического ужаса, прорывающегося в современность, А. Белый пропитывал страхом весь «Петербург»...

Живость и живучесть страха имели еще один деструктивный результат: страх-личность способен эффективно уничтожать глубинные основы человеческой личности, ее способность к адекватному восприятию внешнего мира. В личности, шокированной личиной созданного литературой страха начинается «отчуждение самоидентификационных признаков, известное в клинической психологии как деперсонализация» (Деструктивные психотехники, 2002: 46), страх подменяет подлинную личность, имитируя, а по сути симулируя адекватную рефлексию. Серебряный век на практике применил методику, которую Г. Марсель позднее назовет «неподлинным человеческим существованием», «забвением» истинного измерения личности (Марсель, 1988), при этом именно страх становится генеральным фактором, вытесняющий из сознания читателя «фрагменты» подлинности.

Литература вырабатывала у читателя «рефлекс страха», то, что позднее З. Фрейд назовет «автоматическим» или «сигнальным» страхом как «сигнал ожидаемой инстинктивной напряженности» (Эммануэль, 2002: 68). Огромное количество страха, исходящее со страниц книг, культивировало испуг как один из ведущих реципиентных «фильтров» читательского сознания Серебряного века. «Блуждающий страх» (Р. Эммануэль), привычка бояться, выработанная под воздействием талантливых произведений, как общий фон формировала деструктивно ориентированное мировоззрение, искажала бытийное зрение. Особо значимое деструктивное воздействие состояло в том, что литература переводила страх на онтологический уровень, при этом соединяя метафизический формат с рационально-современным, или, по крайней мере, замаскированным под современность. М. Хайдеггер разделит позднее страх на «жуть», когда «угрожающее

имеет характер целиком и полностью незнакомого», и «ужас», имеющий «черты встречаемого» (Хайдеггер, 1997: 82). Правда, Хайдеггер увидит и «позитив» в ужасе как «бытийной возможности для эксплицитного схватывания исходной бытийной целостности присутствия» (Хайдеггер, 1997: 103), но деструктивность Серебряного века еще «не дорастет» до подобного открытия глубин «ужасного». Страх как неотъемлемая часть бытия, как явление метафизического масштаба культивируется у К. Бальмонта (тема испуга перед миром), Ф. Сологуба (страшно упасть в «грязь», из которой и состоит весь мир «мелких бесов»), Д. Мережковского (апокалипсис в «Петре и Алексее»), А. Белого, З. Гиппиус, В. Вересаева («Хозяин») и других, причем даже единичные принципиально демонстрируемые модели безстрашного поведения, как, например, у Н. Гумилева или Б. Савинкова, лишь подчеркивали проявленность стратегии, развивающей онтологический ужас как принципиальную личностную рецепцию (см. характерное высказывание Н. Гумилева: «На земле я никакого страха не боюсь, от всякого ужаса можно убежать в смерть, а вот по смерти очень испугаться страшно» (Гумилев, 1989: 49). И еще одна интертекстуальная параллель – у протопопа Аввакума есть фраза, напрямую соотносимая с высказыванием Гумилева: «Без смерти и мы не будем», определяющая смерть как защиту.

У того же М. Хайдеггера четко продолжен логический вектор онтологического страха: «Дальнейшее видоизменение страха мы знаем как... ступор» (Хайдеггер, 1997: 82). Именно к состоянию ступора по-своему ведет страх сознание – и в этом специфика стратегии вербально-художественной культуры, культивирующей страх в сознании читателя. Закрывать сознание от пугающего окружающего мира, заблокировать его страхом перед замужеством (В. Вересаев «На повороте»), перед народной ненавистью (М. Горький «Друзья»), перед ненужностью другим (А. Грин

«Наследство Пик-Мика») и перед «другими-чужими» (Л. Андреев «Мысль») ... – главная цель деструктивной стратегии запугивания. Воздействие данной стратегии вело к некрозу сознания, и страх смерти использовался художественной культурой рубежа XIX-XX вв. как эффективный механизм блокировки сознания.

Таким образом, вышеуказанные деструктивные стратегии русской литературы рубежа XIX-XX вв. необходимо рассматривать как серьезный вызов общему уровню культуры, причем рассматривать не в отдаленной ретроспективе, микшированной и мало касающейся современности, а напротив, осознавая острую актуальность и сохраняющуюся опасность обозначенных стратегий.

Литература

- Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1994. 615 с.
- Батай, Ж. Литература и зло / пер. с фр., коммент.: Н.В. Бунтман, Е.Г. Домогацкая; авт. предисл. Н.В. Бунтман. М.: Изд-во МГУ, 1994. 165 с.
- Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997.
- Вересаев, В.В. Живая жизнь. М.: Политиздат, 1991. 336 с.
- Гумилев, Н.С. Стихи, поэмы / Сост., авт. биогр. очерка и коммент. В.К. Лукницкая; ред. и авт. предисл. В.П. Енишерлов. Тбилиси: Мерани, 1989. 493 с.
- Деструктивные психотехники: Технологии изменения сознания в деструктивных культурах / Пер. с англ. под ред. И. Митрофановой. СПб.: Экслибрис, 2002. 223 с.
- Из истории русской культуры. Т. 3: XVII – начало XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 832 с.
- История ментальностей, историческая антропология: Зарубеж. исслед. в обзорах и реф. / РАН, ИВИ, РГГУ. М.: Б. и., 1996. 254 с.
- Кондаков, И.В. По ту сторону слова (Кризис литературоцентризма в России

XX-XXI веков) // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 5-44.

Крейд, В.П. Георгий Иванов. М.: Молодая гвардия, 2007. 428 с.

Лихачёв, Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1986. С. 79-95.

Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. М.: Прогресс: Гнозис, 1992. 270 с.

Лэнг, Р.Д. Расколотое «Я»: Антипсихиатрия. М.: Изд. центр «Академия»; СПб.: Белый кролик, 1995. 350 с.

Марсель, Г. К трагической мудрости и за ее пределы // Проблема человека в западной философии. Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 404-419.

Меграбян, А.А. Дегерсонализация. Ереван: Армянское гос. изд-во, 1962. 355 с.

Мережковский, Д.С. Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского: том 1-24. Т. 16: В тихом омуте. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. 205 с.

Олпорт, Г. Избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева; пер. с англ. Л. В. Трубицына, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 464 с.

Плотников, Н.С. От индивидуальности к идентичности (история понятий персональности в русской культуре) // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 64-83.

Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

Смулевич, А.Б., Воробьев, В.Ю. Дегерсонализация (клинико-психопатологические аспекты) // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1973. Т. 73. Вып. 8. С. 83-97.

Соловьев, С.М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. Кн. 4. Т. 7-8. М.: Голос, 1994. 758 с.

Февр, Л. Бои за историю / Пер. А.А. Бобовича. М.: Наука, 1991. 629 с.

Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции. СПб.: Алетейя, 1999. 200 с.

Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

Эмануэль, Р. Проблемы психоанализа. Страх. М.: Проспект, 2002. 79 с.

References

Bart, R. (1994), *Izbrannye raboty: Semiotika, poetika* [Selected works: Semiotics, poetics], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Bataille, G. (1994), *Literatura i zlo* [Literature and evil], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia (in Russ.).

Biblioteka literatury Drevnej Rusi [Library of ancient Russian literature] (1997), Nauka, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Destruktivnie Psikhotehniki. Tekhnologii izmeneniya soznaniya v destruktivnykh kul'tah. Sbornik (2002), [Destructive psycho-technologies of change of consciousness in destructive cults. Digest], Ekslibris, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Emanuel, R. (2002), *Problemy psikhoanaliza. Strah* [Problems of psychoanalysis. Fear], Prospekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Freud, Z. (1999), *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introduction to psychoanalysis], Aletejya, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Gumilev, N. S. (1989), *Stihi, poemy* [Poems], Merani, Tbilisi, USSR (in Russ.).

Heidegger, M. (1997), *Bytie i vremya* [Being and Time], Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.).

Iz istorii russkoj kul'tury. T. 3: XVII – nachalo XVIII v. [From the history of Russian culture. Vol. 3: 17 – beginning of the 18th century] (1996), Yazyki russkoj kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Kondakov, I. V. (2008), “Beyond words: the crisis of literaturecentrism”, *Voprosy literatury* [Questions of literature], 4, 22-40 (in Russ.).

Krejd, V. P. (2007), *Georgij Ivanov* [Georgy Ivanov], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Le Fevr, L. (1991), *Boi za istoriyu* [The Battle for history], Moscow, Russia (in Russ.).

Laing, R. D. (1995), *Raskolotoe «YA»* [The Divided "I"], Belyj Krolik, St.-Petersburg, Russia (in Russ.).

Likhachev, D. S. (1986), “Zarozhdenie i razvitie zhanrov drevnerusskoj literatury” [The origin and development of genres of old Russian literature], *Issledovaniya po drevnerusskoj literaturе* [Researches on ancient Russian literature], 79-95, Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Lotman, Yu. M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], Progress: Gnozis, Moscow, Russia (in Russ.).

Marcel, G. (1988), К трагической мудрости и за ее пределы [For a tragic wisdom and its beyond], *Problemy cheloveka v zapadnoj filosofii* [The problem of man in Western philosophy], Progress, Moscow, Russia, 404-419 (in Russ.).

Megrabyan, A. A. (1962), *Depersonalizatsiya* [Depersonalization], Armyanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, Erevan, USSR (in Russ.).

Merezhkovsky, D. S. (1914), *Polnoe sobranie sochinenij. T. 16.* [Complete works. Vol. 16], Moscow, Russia (in Russ.).

Olport, G. (2002), *Izbrannye trudy* [Selected works], Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Plotnikov, N. S. (2008), "From individuality to identity (History of concepts of personality in Russian culture)", *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 3, 64-83 (in Russ.).

Sartre, J.-P. (2000), *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: an essay in phenomenological ontology] Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Smulevich, A. B. and Vorob'ev, V. Yu. (1973), "Depersonalization (clinical and psychopathological aspects)", *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 73, (8), 83-97 (in Russ.).

Solov'ev, S. M. (1993), *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 7.* [History of Russia

since ancient times. Vol. 7]. Golos, Moscow, Russia (in Russ.).

Veresaev, V. V. (1991), *Zhivaya zhizn'* [Living Life], Izd. Politicheskoy literatury, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д 56а, Белгород, 308024, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, 56a Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru